

НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ ХРУЩЕВ **Штрихи к историческому портрету***

Россиянам среднего возраста, а тем более молодежи, почти совсем не знаком этот коренастый крепыш с оттопыренными ушами, большим ртом, неровными зубами, крупным куриным носом, двумя бородавками и огромным лысым черепом. Подвижной, неугомонный, иногда грубый, иногда до озорства веселый, не отличавшийся высокой культурой и вместе с тем способный оригинально и нестандартно мыслить, смелый, одновременно хитрый и часто по-детски непосредственный и простоватый, он буквально ворвался на авансцену советской истории. Многим, вероятно, больше известна скульптура на его могиле на Новодевичьем кладбище в Москве, изваянная всемирно известным скульптором Эрнстом Неизвестным: крупная, наполовину черная, наполовину белая голова, возвышающаяся на скромном постаменте. Голова, приковывающая внимание мощью сконцентрированной в ней энергии и в то же время бросающейся в глаза простоватостью, откровенной грубостью. Эта скульптура на скромной могиле да полтора десятка биографических книг и статей венчают жизненный путь одного из наиболее противоречивых лидеров Советского Союза — крупнейшей державы мира минувшего века.

Никита Сергеевич Хрущев появился на политической арене не вдруг. В 1930–1940-е гг. его фамилия регулярно мелькала в официальных сообщениях, как одного из кандидатов, а затем и членов Политбюро ЦК ВКП(б). Однако в число «ближайших соратников» И. В. Сталина он не входил, будучи политической фигурой второго плана. Впервые на первых ролях он оказался в смутном 1952 г., когда выступил на XIX съезде с докладом об изменениях в Уставе партии. Но и тогда никто не рассматривал его как возможного преемника «вождя народов».

Тем не менее в первые же часы после кончины И. В. Сталина он оказался в составе триумvirата (вместе с Г. М. Маленковым и Л. П. Берией), который под флагом установления «коллективного руководства» претендовал на реальную власть. На деле же старт негласной борьбы за единоличное лидерство был взят. И тут Хрущев проявил необычайную энергию, находчивость и дальновзоркость. Ему поручили «сосредоточиться» на работе в ЦК. И он своего шанса не упустил, сплотив вокруг себя большую часть центрального и местного партаппарата — основной оси советской номенклатуры. Он выступил главным организатором устранения ненавистного сталинского опричника Берии, а вскоре взял на себя инициативу подготовки и созыва партийного пленума, посвященного одной из самых острых, неотложных и застарелых проблем страны — положению в сельском хозяйстве. Эта была проблема повседневного бытия и сельского большинства населения и горожан. Нарисованная в его докладе на пленуме картина положения в аграрном секторе потрясла своей искренностью, знанием сельской жизни.

* Статья представляет собой размышления автора о личности Н. С. Хрущева, связанные с недавно изданной монографией А. З. Ваксера о Ленинграде в 1945–1982 гг. и др. его работами, посвященными истории СССР в 1950–1960-х гг.

Так с народом с высоких партийных трибун после драматических первых дней войны власть говорила впервые. Были приняты давно назревшие решения о сокращении размеров налогов, в особенности с приусадебных участков, увеличении закупочных цен, повышении материальной заинтересованности колхозников. Такая политика вселяла уверенность и надежды. Доклад и предлагаемые меры были вполне искренне встречены большинством народа «на ура». Результаты не замедлили сказаться. Если в конце 40-х — начале 50-х гг. в СССР сборы зерна колебались на уровне 70–80 млн т, то уже с 1955 г. они перевалили за 100 млн т. Этому способствовало и масштабное решение об освоении целинных и залежных земель, которое стало целой эпопеей в жизни десятков тысяч молодых людей и всей страны. Подобных темпов роста аграрный сектор страны не знал много десятилетий. Неудивительно, что авторитет Хрущева резко повысился и в народе, и среди партийных функционеров, особенно среднего и низшего звена. Он был возведен в ранг Первого секретаря ЦК и старался, как говорится, «ковать железо, пока оно горячо».

Вершиной восхождения на политический Олимп стал XX съезд КПСС, где Хрущев выступил с «секретным» докладом, в котором рассказал о фактах самоуправства, беззакония, массового уничтожения партийных, военных, государственных кадров Сталиным. Со страниц доклада, получившего широкую известность, буквально потрясшего общественность в СССР, странах социалистического лагеря и вне его, вставал образ Сталина — тирана, организатора массовых репрессий. До сих пор историки, биографы не могут прийти к согласию, пошел ли Хрущев на этот шаг ради собственных властных амбиций или руководствовался какими-то иными мотивами. Нет ясности и в вопросе о событиях, непосредственно предшествовавших постановке этого доклада. Одни утверждают, что это было сделано чуть ли не самовольно Хрущевым, другие — что проведение закрытого заседания съезда было осуществлено по решению Президиума и Пленума ЦК, третьи — вообще говорят о том, что «коллективные наследники» договорились заслушать такой доклад не на съезде, а на специальном Пленуме ЦК «в спокойной обстановке». Сам Хрущев, уже находясь на пенсии, объяснял это так:

«У меня руки по локоть в крови. Я делал все, что делали другие. Но если бы предстоял выбор, делать этот доклад или не делать, я бы обязательно пошел к трибуне, потому что когда-то это все должно кончиться».¹

О положительных и отрицательных результатах того исторического доклада спорят и еще долго будут спорить. Но несомненно, во-первых, что целью Хрущева была десталинизация методов и форм, в которых функционировал режим, но не существа созданной Сталиным системы. Во-вторых, следствием его явилось умножение числа союзников Никиты Сергеевича, в первую очередь за счет широких кругов интеллигенции, численность и влияние которой в обществе быстро возрастали. Наступила пора «оттепели». Возрождался такой важный социальный феномен, как общественное мнение. Необходимость перемен во всех сферах жизни начала осознаваться и «верхами», и «низами» все острее. Планово-административная система, существовавшая в стране, содействовавшая достижению Победы, стала быстро расшатываться. Такие ее «несущие» конструкции, как массовые репрессии, система ГУЛАГа, закрепление работников за предприятиями, рушились. Началась массовая реабилитация.

Реформы в экономике, политической системе, духовной жизни властно стучались в двери. Между тем ни сам Хрущев, ни его «соратники», ни общество не были к ним

готовы. Реформаторский потенциал за годы репрессий, погромов, идеологического и морально-политического «единства» оказался сведенным к минимуму. И тем более не существовало целостного видения, куда и как должно двигаться общество, если не принимать во внимание достаточно туманных представлений о коммунизме, о чем мы скажем позднее. Это в полной мере относилось и к «виновнику» стремительного развития событий, ибо Хрущев, пожалуй, как никто другой сам был продуктом «сталинской эпохи».

Восхождение к вершинам власти Хрущева, вероятно, представляло череду благоприятных для него случайностей. И в то же время тут было и нечто иное. Это была единая цепь везения и упорства. Хрущев — считают некоторые из его биографов — пришел чуть ли не как «надежда народа, предтеча нового времени». Представляется, что это не совсем верно. В последние годы Сталин искал и «перебирал людишек», способных стать его преемниками. Не случайно в составе узкого состава президиума ЦК, избранного XIX съездом (1952), оказалось довольно много деятелей среднего возраста. Он присматривался к Н. А. Вознесенскому, А. Н. Косыгину, А. А. Кузнецову, В. А. Малышеву и др. Искал, завидовал и, как утверждают некоторые, ненавидел их одновременно. Не случайно и то, что над старыми соратниками в эти годы нависала опасность уничтожения. Сталин понимал, что без борьбы они власть не отдадут. Но все это, по большому счету, были ничтожные потуги. Полноценного механизма воспроизводства элиты в стране, который бы обеспечивал восхождение к государственным и партийным вершинам наиболее талантливых, зрелых, образованных, самостоятельно мыслящих деятелей, создано так и не было. Его заменяла сталинская мясорубка, из которой в подавляющем большинстве могли выбраться лишь оборотистые, ловкие и беспринципные люди, но только не личности, способные дать самостоятельный вполне адекватный ответ на вызовы времени и истории.

Одним из первых шагов Хрущева в новом качестве лидера стала передача Крыма Украине в связи с 300-летием воссоединения ее с Россией. 19 февраля 1954 г. появился на свет Указ о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР. Эта передача огромной и исключительно важной территориальной единицы, призванная укрепить «нерушимый союз братских республик», не была должным образом оформлена ни референдумом, ни другими юридически необходимыми для столь беспрецедентного «подарка» актами. Россия и ее народ, видимо, никогда не забудут «купеческой» щедрости «дорогого Никиты Сергеевича», который не однажды демонстрировал перед страной и миром, что в большой политике, как и в обыденной жизни, «не боги горшки обжигают». К сожалению, история учила и учит тому, что в большой политике «горшки должны обжигать» только «боги». Ну, а наш герой «богом» не был ни по рождению, ни по воспитанию, ни по образованию, ни по общей культуре и интеллекту, хотя умом, бесспорно, обладал живым, характером беспокойным, а энергией, казалось, неисчерпаемой. Впоследствии в мемуарах он всячески пытался оправдать целесообразность «подарка», который, как, пожалуй, никакой другой, характеризует скоропалительные, а порою и откровенно недалёковидные методы деятельности Первого секретаря. Порою... но далеко не всегда.

Будучи человеком и политиком прагматичным, знавшим не понаслышке реальную жизнь простых людей, Хрущев был обеспокоен застарелыми социальными проблемами: жилищной, продовольственной, пенсионной и др. Он понимал, что народ не просто жаждет перемен. Интуитивно, «кожей» чувствовал — время народного терпения, веры

советской власти неумолимо сокращается. Позже в мемуарах Хрущев напишет: «Нельзя увлечь за собой народ только рассуждениями о марксистско-ленинском учении. Если государство и обещанная система не дают людям материальных и культурных благ больше, чем их обеспечивает капиталистический мир, бесполезно звать людей к коммунизму». Теперь, задним числом, можно сказать: как в воду глядел!

И Хрущев инициировал принятие неотложных социальных мер.² 18 марта 1955 г. Президиум Верховного Совета СССР отменил введенные в октябре 1940 г. призывы (мобилизации) молодежи в учебные заведения трудовых резервов. Через год, вскоре после XX съезда, увидел свет долгожданный Указ «Об отмене судебной ответственности рабочих и служащих за самовольный уход с предприятий и из учреждений и за прогул без уважительной причины». Устанавливалось, что отныне рабочие и служащие при увольнении по собственному желанию обязаны были только предупреждать администрацию об этом за две недели. Отменялась не только судебная ответственность за самовольный уход, но и освобождались от отбывания наказания лица, осужденные за прогулы, прекращались производством все дела такого рода. Одновременно утрачивал силу ряд указов, введенных в действие накануне войны, регламентирующих продолжительность рабочего дня, административное закрепление работников. Тогда же на два часа сократили рабочий день в предпраздничные и предвыходные дни, отменили ранее введенную плату за обучение в средних и высших учебных заведениях. Был принят закон о государственных пенсиях, который радикально улучшал положение этой многочисленной группы населения.

Но, пожалуй, ключевое место в осуществляемых по инициативе Хрущева социальных программах занял жилищный вопрос. Развергивание массового индустриального жилищного строительства было поставлено в центр внимания и общества, и государства, и партии. Если за все годы советской власти с 1918 по 1955 г. было введено 952,7 млн м² жилой площади, то только за десять лет — с 1956 по 1965 г. — 964,7 млн. Получили вновь или улучшили жилищные условия свыше 108 млн человек! Это был несомненный прорыв. И не случайно Хрущев импонировал многим именно своей смелостью, размахистостью, динамизмом. Конечно, жилье было далеко не шикарным, но по тем временам вполне комфортабельным. После подвалов, коммуналок, общежитий, а то и землянок, в которых многие и многие ютились в послевоенные годы, это был безусловный прорыв. Как бы сегодня полупрезрительно ни называли эти дома и районы — «хрущевками», «хрущевками», они положили начало масштабному решению сложнейшей и острейшей социальной проблемы, которую и через полвека власти достойно завершить никак не могут.

Социальные преобразования требовали значительных материальных, финансовых ресурсов. Хрущев нередко пытался получить их за счет сокращения армии, что естественно наталкивалось на сопротивление генералитета, ставило в трудное положение тысячи офицеров, которым приходилось начинать жизнь заново. Только в январе 1960 г. Верховный совет СССР по докладу Н. С. Хрущева принял закон о сокращении вооруженных сил на одну треть.

Поиск оптимальных решений неотложных экономических проблем становился поистине судьбоносным для страны. Хрущев и его довольно пестрая команда, придя к власти, не имели ясной программы реформирования громоздкого, инерционного государственного хозяйства. Единственное «наследие» составляли разве что принципы,

провозглашенные в сталинской работе «Экономические проблемы социализма в СССР», которые были далеки от реальных вызовов времени, требований развертывавшейся научно-технической, информационной революции.

Поэтому с самого начала выбор путей реформирования экономики приобрел конвульсивный характер, наткнулся на решительное неприятие центрального аппарата министерств и ведомств. Идея перенесения центров управления индустрией на места — в советы народного хозяйства, на предприятия, приобщение к управленческой деятельности профсоюзов решительно отвергалась рядом членов Президиума ЦК, в первую очередь Молотовым, Кагановичем, Маленковым. В разгар подготовки реформы управления промышленностью и строительством, в июне 1957 г., большинство Президиума ЦК КПСС приняло решение о смещении Хрущева с поста первого секретаря. Однако оно не рассчитало своих сил. Хрущева поддержали функционеры с мест, часть центрального партийного и хозяйственного аппарата, армия, КГБ в лице Г. К. Жукова и И. А. Серова. Впервые за ряд десятилетий спешно собранный пленум ЦК КПСС выступил в роли решающей инстанции и поддержал Никиту Сергеевича.

Победа не была случайной, ибо он многие годы был тесно связан с государственным и партийным аппаратом разного уровня. Один из сотрудников Хрущева рассказывал, что после «воцарения» коллективного руководства на партийном собрании в ЦК КПСС Г. М. Маленков выступал с докладом, в котором резко критиковал «переродившихся бюрократов». «В зале стояла, — замечал мемуарист, — гробовая тишина: там находились именно эти бюрократы. Вдруг в тишине раздался веселый голос Хрущева: „Все это может быть и верно, Георгий Максимилианович, но аппарат — это наша опора“. И сразу — гром аплодисментов».³

Антихрущевская оппозиция была осуждена, наказана, но физически не уничтожена.

После разгрома так называемой «антипартийной группы» Хрущев приобрел безраздельную и по сути неподконтрольную власть в партии и стране, возглавив (по настоянию соратников) еще и Совет Министров СССР. В сущности человек искренний и добрый, в политике он не признавал доброты, в особенности когда ему представлялось, что затрагиваются «классовые интересы» государства. Здесь он не шел ни на какие компромиссы. Выше требований морали были для него политическая целесообразность, государственная безопасность. Для их обеспечения Хрущев был готов на все.

Между тем созданные вместо отраслевых министерств на местах советы народного хозяйства на первых порах сумели решить ряд неотложных хозяйственных вопросов. Ускорился поиск путей инновационного развития экономики, ее реконструкции, более приемлемых и эффективных форм материально-технического снабжения и др. Но приостановить деградацию административно-командной системы и тем более создать ей альтернативу совнархозы, разумеется, не могли. С конца 1950-х — начала 1960-х гг. затруднения стали нарастать. Последовал новый перестроечный тур.

Осложнялась обстановка и в трудовой сфере. Давно назревавшую реформу системы оплаты труда рабочих в промышленности осуществили в конце 1950-х гг. При этом рабочие-станочники (токари, фрезеровщики и др.) понесли ощутимые потери в зарплате. В результате в промышленности резко усилилась текучесть кадров. Кадры «текли», а оборудование простаивало.

Верные решения чередовались с очевидными просчетами и ошибками. В начале 60-х гг. СССР впервые столкнулся с «демографическим эхом» войны. Трудоспособного

возраста достигли малочисленные контингенты молодежи, родившиеся в фронтовые годы. А экономика по-прежнему следовала по экстенсивной колее. Рабочей силы не хватало. Последовала школьная реформа (1958), которая реализовала идеи политехнического обучения, скорейшего включения молодежи в производительный труд. Развертывание производственного обучения в общеобразовательных школах, создание учебных цехов на предприятиях, коренная перестройка системы трудовых резервов и формирование стройной системы массового профессионально-технического образования на многие годы определили методы и пути подготовки квалифицированных рабочих кадров.

И все же коренная проблема реформирования экономического механизма — административно-плановой системы не находила должного решения. Недавно опубликованные документы Президиума ЦК за 1954–1964 гг.⁴ убедительно свидетельствуют, как шаг за шагом, буквально «продираясь» сквозь собственные предубеждения, Хрущев приближался к пониманию необходимости всемерного усиления экономических методов хозяйствования, создания конкурентной ситуации между производителями. Именно в те годы делались первые шаги на пути массовой ликвидации экономической безграмотности, было положено начало экономическому экспериментированию, признана необходимость использования прибыли, рентабельности, цен как важного стимула эффективного хозяйствования. И все же отставание Хрущева от объективных требований, общественных потребностей становилось все более ощутимым.

В 1958 г. принимается решение о ликвидации машинно-тракторных станций и продаже техники колхозам. Сама реформа была проведена молниеносно и неудачно. Наметившееся к середине 1950-х гг. укрепление колхозов, их экономики резко затормозилось вследствие завышения цен на продаваемую технику. Все связи между промышленностью и сельским хозяйством отныне были переведены на товарно-денежную (но все-таки нерыночную) основу. А это в свою очередь означало крушение еще одной опоры командной экономики — натуральных форм обмена, с помощью которых государство извлекало из сельского хозяйства немалую часть прибавочного продукта. Стоимость горючего, смазочных материалов, машин, запчастей, определяемая административным путем, вновь разошлась с ценами на сельскохозяйственную продукцию. Положение усугублялось следовавшими подряд несколько лет неурожаем. Чудовищно опрометчивым оказалось решение о запрете держать скот в индивидуальном хозяйстве, что привело к постоянному обострению дефицита мясных и молочных продуктов в стране.

В поисках выхода Хрущев не стеснялся прибегать к заимствованию новейших западных технологий и в производстве, и в сфере обслуживания. Однако попытки безоглядной химизации, насаждения квадратно-гнездового способа посева зерна, широкого использования поливных земель наткнулись на невидимые преграды централизованного государственного управления аграрным сектором. Так, идея расширения производства кукурузы как важнейшей кормовой культуры появилась в результате знакомства Хрущева с практикой ведения фермерского хозяйства в США. Сама идея была, безусловно, плодотворной и реальной. Но попытка ее государственного насаждения в традиционных советских формах поголовной «кукурузизации» всех регионов от благодатного Ставрополя до притундровых районов закончилась полной дискредитацией и идеи, и Хрущева.

Решительный отказ от административных методов, перевод народного хозяйства на преимущественно экономические методы руководства становился все более насущным.

Найти же быстрые, адекватные и эффективные ответы хрущевское руководство не сумело. Наступающая эпоха требовала не только отказа от командной системы, но и гибкого подхода к проблемам собственности, что не укладывалось в голове не только Хрущева и его соратников, но и многих современников. Как это ни парадоксально, не принимается и радикальными либеральными реформаторами наших дней.

Страна, мир становились, как никогда ранее, динамичными. Запаздывание с реформами оборачивалось все более ощутимыми потерями. Ситуация осложнялась и тем, что реформирования требовали решительно все сферы. В их числе и наиболее чувствительная для руководства КПСС — политическая.

Шаги в этом направлении предпринимались и нашли наиболее законченное выражение в разработанных под руководством Хрущева третьей Программе партии и проекте новой Конституции. Программа должна была открыть этап структурных преобразований советской экономической и политической системы. Разработчики старались найти формы, средства, методы, механизмы достижения нового уровня экономического и политического развития страны, общества. Боролись две тенденции: тенденция старых подходов, в основе которых лежали прежние, сталинские представления о социализме и коммунизме, и тенденция к осознанию новых реалий. Победили первые. И прежде всего эта победа вылилась в авантюрных цифрах экономического развития страны до 1980 г., когда и предполагалось построить коммунизм. Этот авантюризм нередко приписывают лично Хрущеву, его ближайшему окружению. Между тем в основе упоминаемых в Программе цифр лежали прогнозы Госплана о развитии экономики СССР на ближайшие 15–20 лет.

Проект Конституции, который так и не увидел света, был опубликован только недавно.⁵ Документ содержал ряд новых положений и предусматривал, в частности, регулярную ротацию депутатского корпуса, высшего государственного руководства. Еще раньше, в 1961 г., был принят новый Устав КПСС, в котором разумные идеи оказались препарированными до неузнаваемости, по сути дискредитированными.

Наконец, Хрущевым впервые был поставлен вопрос об отношении к инакомыслящим в партии. Как и многие другие, — поставлен непоследовательно и тем более не решен до конца. С одной стороны, в заключительном слове на XXII съезде (1961) он провозгласил, что проявление инакомыслия, особенно на переломных этапах, возможно. К таким людям, — полагал Первый секретарь, — надо применять не репрессии, а методы разъяснения и убеждения.⁶ Это был своеобразный прорыв во всем строе партийного мышления, «палочной» дисциплины, которые насаждались Сталиным и его присными многие десятилетия. Но, с другой — вопрос о каких-то правах меньшинства и тем более о том, что оно в конечном счете может оказаться правым, даже и не мыслился. И неудивительно. Ныне Россия стала иной. Но и в условиях демократии эта «заказка» так и остается по-настоящему не решенной. Стоит ли тогда упрекать Хрущева и его время? Он по-прежнему оказывался рабом традиционного российского патернализма, подразумевающего непогрешимость первого лица, его монополии на мудрость и решение всех вопросов, встававших перед обществом.

Годы малоэффективных усилий по решению очевидных, кричащих хозяйственных проблем укрепляли в сознании Хрущева убеждение, что инерционность народного хозяйства, его низкие инновационные потенциалы прежде всего связаны с бюрократизмом хозяйственного и государственного аппарата. Институтом, неподверженным этой

болезни, он наивно считал только партию. Такой подход определял и конкретные решения, стремление передать партии функции хозяйственного руководства, разделение парторганизации по функциональному признаку — учреждение промышленных, сельских обкомов и т. п.

Революционер, бунтарь и раб традиций одновременно — таков был в мыслях и делах этот, несомненно, яркий, незаурядный, с хитринкой и одновременно наивный, способный на глупости, граничащие с преступлением, человек. Хрущев отверг испытанный механизм авторитаризма — репрессии, осудил единовластие. Однако авторитарную форму правления сохранил. Такая непоследовательность, пожалуй, в наибольшей степени сказывалась в сфере культуры — области, от которой он был далек. Далек и генетически, и фактически. Судя по мемуарам, Хрущев, видимо, сознавал, что не сведущ в искусстве. Тем не менее почитал своей обязанностью наставлять, давать «ценные указания» деятелям науки, литературы, кино, изобразительного искусства.

XX съезд, как говорилось выше, всколыхнул общественное сознание, заставил людей по-иному взглянуть и на себя, и на свою страну, и на окружающий мир. «Оттепелью», как образно назвал это явление И. Эренбург, в первую очередь воспользовалась творческая интеллигенция. Литература, кино, театр, изобразительное, музыкальное искусство обратились к реальной жизни, ее проблемам. Они стремились расширить рамки традиционного социалистического реализма. Начали издаваться новые, приобретшие большую популярность литературные, научные, общественно-политические журналы «Юность», «Международная жизнь», «История СССР». Распахнули двери такие театры, как «Современник», театр на Таганке, вернулись в поэзию бывшие зэки Николай Заболоцкий, Ярослав Смеляков, увидели свет (не без личной помощи Хрущева) «Теркин на том свете» А. Твардовского, «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына, «Баллада о солдате» Г. Чухрая, «Девять дней одного года» М. Ромма. Даже А. Ахматова говорила в те годы: «Я ведь хрущевка. Хрущев сделал для меня самое большое, что может сделать один человек для другого: вернул мне сына».

Немало делалось и для прогресса науки. Открылся ряд новых институтов АН СССР. Хрущев поддержал инициативу создания Сибирского отделения Академии наук, строительства Академгордка в Новосибирске, превратившегося в один из крупнейших центров фундаментальной и прикладной науки в стране. Сенсационными стали эпохальные достижения в освоении космоса, к которым Хрущев прямо и косвенно «приложил руку».

Одним этот поистине беспрецедентный интеллектуальный подъем в стране внушал уверенность и оптимизм. Другими овладевало чувство беспокойства за судьбу «нерушимых основ». Третьи, для которых «верность принципам» была тождественна умению держать нос по ветру, пребывали в растерянности. Ведь Хрущев поддерживал не только Твардовского и «Новый мир», но и ярого консерватора В. А. Кочетова, окопавшегося в «Октябре», могильщика советской генетики Т. Д. Лысенко.

Терпимость, уважение к иным мнениям — один из фундаментальных признаков культуры. Это качество было чуждо Хрущеву. К тому же время, в которое он формировался и жил многие годы, мало способствовало утверждению подобных черт в индивидуальном и общественном сознании. Не случайно тучи в отношениях с интеллигенцией, то сгущаясь, то ослабевая, постоянно нависали, не рассеивались. Наиболее шумные скандалы разразились в начале 1960-х гг. Тогда в сгоревшем и вновь отстроенном московском «Манеже» открылась в общем-то ничем не примечательная художественная

выставка. Однако впервые в ней пригласили участвовать молодежь авангардистской ориентации, которую многие годы преследовали, не допускали в творческие союзы. Это была, по-видимому, заранее спланированная провокация. Хрущева буквально притащили к работам абстракционистов. И он (как и можно было ожидать) пришел в неистовство. «Такое „творчество“, чуждо нашему народу, — цитировала его слова официальная печать. — Вот над этим и должны задуматься люди, которые именуют себя художниками, а сами создают „картины“, что не поймешь, нарисованы ли они рукой человека или хвостом осла». А одному из молодых участников той выставки Э. Неизвестному после осмотра его скульптур Хрущев без обиняков заявил, что он просто проедает народные деньги, а производит дерьмо! Тот возражал и доказывал, что руководитель КПСС просто эстетически безграмотен. Но Хрущев не сдавался (он, как говорится, умел «держать удар» и спорить): «Был я шахтером, — распался он, — не понимал, был политработником — не понимал. Ну, вот сейчас я глава партии и премьер — и все еще не понимаю? Для кого же вы работаете?».

Рассказывая позже об этой встрече, Неизвестный подчеркивал, что, несмотря на ужас, который царил в атмосфере и в глазах окружающих, он ощущал динамизм личности своего обидчика, динамизм, который соответствовал динамизму самого скульптора. И «разговаривать с ним было легко». «Хрущев говорил неквалифицированно, но прямо, что давало мне возможность прямо ему отвечать... Кончилась наша беседа с Хрущевым следующим образом. Он сказал: „Вы интересный человек, такие люди мне нравятся, но в вас сидит одновременно и ангел и дьявол. Если победит дьявол — мы вас уничтожим. Если победит ангел — мы вам поможем“. И он подал мне руку». Вот таким и был реальный Хрущев.

За этим последовали еще две «встречи с интеллигенцией», атмосферу которых известный кинорежиссер М. Ромм назвал форменным сюрреализмом. Досталось «на орехи» и молодым, и известным поэтам, прозаикам, режиссерам, художникам, скульпторам. Спустя несколько лет, уже на пенсии, Хрущев, вспоминая об этих встречах, с горечью признавался: «Зачем я полез тогда в это дело, в котором ничего не понимал... Они (имеются в виду высшие партийные чиновники от идеологии) меня провоцировали, а я полез...». Новая волна гонений обрушилась и на церковь.

Большие группы интеллигенции, поддерживавшие Хрущева на первых порах, теперь все решительнее отворачивались от него. Попытки объяснить эти грубейшие человеческие, политические просчеты только происками окружения, высшей номенклатуры едва ли могут быть приняты. «Втравить» в подобные «истории» интеллигентного человека было едва ли возможно. Эти печальные факты еще и еще раз убеждают, что каждый последующий руководитель КПСС и государства после Ленина оказывался (за небольшим исключением) не только по уровню культуры, но и по интеллекту ниже, нежели его предшественник. А это уже не просто личная беда. Это драма и страны, и ее народа. А ведь высокие цели и объективные вызовы, которые предъявляли история и время, требовали как раз обратного!

Интеллектуальный мир Хрущева, многих его современников, как уже отмечалось, формировался, кристаллизовался под влиянием сталинских идей, сталинской практики. И это накладывало неизгладимую печать и на личность, и на поступки, и на реформы, провозвестником и инициатором которых он являлся. Неоднократно размышляя вслух о «культе личности», о Сталине, он словно разговаривал со своей совестью. Но в

сущности Хрущев так и не сумел «выскочить» из сталинских пеленок, как и отказаться от приверженности к системе и практике, которые и ныне авторами, заинтересованными в дискредитации социалистической идеи, именуются социализмом. Не сумел, хотя и стремился к этому.

Эти особенности его личности, несомненно, наложили отпечаток и на внешнюю политику Советского Союза, на мировые события, в центре которых он оказался.

К началу 1950-х гг. первый тур «холодной войны» достиг апогея. В 1949 г. был создан военный блок НАТО, в котором доминировали США. СССР укреплял свои позиции в странах Восточной Европы, сближался с Китайской Народной Республикой. Внешняя политика составляла ту сферу, к которой никогда ранее Хрущев отношения не имел. Однако и события, и проблемы времени «на раскачку», постижение секретов и искусства дипломатии не оставляли.

В 1955 г. Хрущев совершил первый крупный вояж в капиталистический мир. В Женеве состоялась встреча глав четырех великих держав на высшем уровне — первая после Потсдама (1945). Запад получил возможность поближе ознакомиться с новым советским лидером. Оказалось, что «коммунистический дьявол» вблизи отличался от расхожих страшилок. Он охотно общался с прессой, говорил откровенно, шутил, не прочь был побаловать «акул пера» анекдотами, эмоционально и нередко удачно реагировал на острые вопросы. Вместе с тем западные руководители убеждались, что Хрущев нелегкий партнер. В отличие от Сталина он был непредсказуем, настойчиво демонстрировал растущую военную мощь СССР, его претензии, проявлял решительность, когда дело касалось жизненных интересов страны. И вместе с тем — готовность к компромиссам. Так, уже в первые годы удалось решить застарелую проблему Австрии, вывести оттуда войска бывших союзников и добиться ее нейтралитета. Успешно налаживались отношения с рядом стран Юго-Восточной Азии (Индией, Индонезией и др.).

Одной из острейших и неотложных проблем были отношения с Югославией, которые Сталин довел до состояния «белого каления». И Хрущев со свойственной ему безоглядностью бросился «в омут», встретился с маршалом Тито, по сути признал ошибочность сталинской политики и добился существенного смягчения отношений с этой страной. Он живо интересовался югославской системой самоуправления, формами руководства экономикой, в первую очередь деятельностью рабочих советов на предприятиях, организацией иностранного туризма, дающего солидную прибавку в бюджет, и др.

Чрезвычайно сложным выдался 1956 г. Кризисы в Болгарии, Польше, Венгрии следовали один за другим. Особенно драматичным и буквально потрясшим сознание Хрущева оказался венгерский кризис, совпавший с военно-политическим кризисом на Ближнем Востоке. Израиль, а затем Англия и Франция начали военные действия против Египта, национализировавшего Суэцкий канал. Руководство СССР действовало оперативно и решительно. СССР не только выступил в поддержку Египта, но и предупредил о возможности оказания военной помощи. Англия, Франция и Израиль оказались в изоляции и вынуждены были отступить, покинуть зону Суэцкого канала.

В 1959 г. Хрущев отправился с двухнедельным визитом за океан. Это был первый визит главы Советского государства и КПСС в Соединенные Штаты, визит во многих отношениях необычный. Он летел через океан не только что принятом в эксплуатацию самолете ТУ-114. Подобного пассажирского лайнера, способного совершить столь длительный беспосадочный перелет, тогда не было ни у одной страны. Временного

потепления в отношениях между СССР и США Хрущев достиг. Однако стремление положить конец «холодной войне» не увенчалось успехом. Слишком велика была разница в подходах, несовместимы интересы. Одной из предпосылок конфликта являлось присвоенное США в одностороннем порядке «право» разведывательной деятельности на территории Советского Союза. Пользуясь превосходством в технике, американские самолеты-разведчики У-2 ряд лет безнаказанно на больших высотах, недоступных для советских истребителей и зенитной артиллерии, «утюжили» воздушное пространство СССР. И тогда, когда наметилась возможность достижения реальной договоренности, накануне ответной поездки президента США в СССР, разведчик вновь появился у южной советской границы.

Ранним утром 1 мая 1960 г. Хрущеву доложили, что нарушитель идет курсом на секретный полигон Тюра-Там, где располагался главный космодром страны (будущий Байконур). Последовал категорический приказ уничтожить нарушителя во что бы то ни стало. На улицах городов бурлила праздничная демонстрация, а в это время над просторами Зауралья разворачивались драматические события. Несколько попыток уничтожить разведчика не увенчались успехом. И только при подлете к Свердловску (Екатеринбургу) он был сбит новейшей зенитной ракетой. 11 мая по распоряжению Хрущева остатки американского самолета и шпионское снаряжение были выставлены в московском Парке культуры и отдыха им. Горького. Летчик был взят в плен и сознался.

Такого поворота событий в США не ждали. Между тем в середине мая в Париже должна была состояться встреча в верхах, с которой мир связывал немало надежд. Хрущев, несмотря на провокацию, все же настоял на необходимости поездки во Францию. Но на предварительной встрече он во всеуслышанье потребовал от американского президента извинения за инцидент. Тот извиняться отказался. Конференция, не начавшись, провалилась. Срыв парижской встречи стал переломным моментом, ознаменовавшим крушение разрядки и новое усиление «холодной войны». Задним числом некоторые либеральные историки и биографы Хрущева пытались и пытаются возложить ответственность за срыв конференции на СССР и его лидера. (Пусть читатель сам судит, кто был прав, а кто виноват. И кто в конечном счете несет историческую ответственность за упущенный шанс.)

Правда, в долгу и Хрущев не оставался. Вскоре уже без приглашения американских властей лично отправился на очередную сессию Генеральной Ассамблеи ООН. Такое право он имел. На сессии Хрущев выступал с докладом, речами. Для него не существовало дипломатического этикета, и нередко дело доходило до скандалов. Иногда Хрущев запросто прерывал не понравившегося оратора репликами типа: «Чья бы корова мычала, а ваша бы молчала!», «Лакей империализма!» и т. п. Но «венцом» той поездки стала «башмачная дипломатия», когда он, раздосадованный выступлением одного из дипломатов, снял ботинок и начал громко стучать им по столу. Заседание прервалось. Председатель растерянно оглядывался по сторонам, не зная, как поступить.

Между тем обстановка в мире накалялась. Противостояние вступило в новую опасную фазу. Советской разведке стало известно, что Пентагон настаивает на быстрейшем развязывании конфликта с СССР, чтобы воспользоваться ускользавшим военным превосходством.⁷ В июле 1962 г. СССР объявил об отмене решения сократить вооруженные силы на 1,2 млн человек. Увеличили военный бюджет. Почти одновременно по предложению Хрущева было принято решение о поставках оружия на Кубу, которая

оказалась перед угрозой американского вторжения, о размещении там советских ракет и военнослужащих. Американцы в течение многих лет бесцеремонно устанавливали в непосредственной близости от советских границ в Турции и Иране ракеты, строили воздушные базы. И ни у кого разрешения на это не спрашивали. Теперь Хрущев хотел дать почувствовать США, что испытывали советские люди на протяжении многих лет «холодной войны», будучи окруженными со всех сторон американскими базами. И одновременно продемонстрировать советскую мощь, создать условия для реальной переоценки сторонами существующего соотношения сил, более приемлемого для СССР компромисса. Не пересказывая всю драму, связанную с кубинским кризисом 1962 г., поставившим мир на грань ядерного апокалипсиса, отметим, что Хрущев в эти драматические дни проявил и выдержку, и хладнокровие, и волю к разумному компромиссу. И действия США, и ядерный демарш СССР оказались не только дорогостоящей неудачей, но и катализатором опасного развития событий. Что же касается Хрущева, то он, как и другие представители его поколения, был неколебимо убежден, что империализм стремится любой ценой разрушить советскую систему, как минимум — вернуть страны Восточной Европы в свое лоно, а как максимум — добиться реставрации капитализма в Советском Союзе, его расчленения. И они старались сделать все, чтобы этого не случилось. (Пусть сам читатель решает, были ли они в чем-то правы или заблуждались.)

Одной из самых острых проблем внешней политики стали отношения с Китайской Народной Республикой. Мао Дзэдун был решительным противником разоблачения культа Сталина, советско-американского сближения. Он считал, что это может нанести ущерб китайским интересам. Хрущев горячо спорил и однажды, выйдя из себя, заявил, что готов направить гроб с телом Сталина прямо в Пекин. На советско-китайские отношения также отрицательно влияло стремление Мао развернуть собственную ядерную программу. На первых порах СССР помогал Китаю в ее осуществлении, но затем прекратил такую помощь, что вызвало резкое недовольство китайских лидеров. Со второй половины 1950-х гг. трения между СССР и КНР нарастали и достигли апогея в начале 1960-х гг., когда развернулись бои на острове Даманский. Из многих ошибок, допущенных Хрущевым, разрыв с Китаем имел для СССР, по-видимому, наиболее тяжкие последствия.

Накалялась обстановка и внутри страны, хотя оптимизм Хрущева, казалось, бил через край. Встречая в Кремле Новый, 1964 год, он уверенно заявил, что истекший 1963 г. был «хорошим годом». «Дела у нас идут успешно. Но люди, естественно, хотят больше. И это будет сделано». Между тем в действительности «дела» шли год от года хуже. Темпы роста снижались. Эффективность народного хозяйства падала. Список дефицитных товаров рос, хотя предприятия производили все больше товаров. Из-за низкого качества продукция пылилась на полках. Объем денежных средств у населения увеличивался. Плохой урожай 1963 г. еще больше усложнил положение. Валовая продукция сельского хозяйства упала ниже показателей пятилетней давности. Поголовье скота сокращалось. Недовольство охватывало все новые и новые слои населения, разные звенья государственного и партийного аппарата, армии.

Горожан не устраивало сокращение и ухудшение продовольственного снабжения, отсутствие многих видов потребительских товаров, скрытый рост цен. Рабочих — тарифная реформа. В ряде городов впервые за многие годы отмечались забастовки и

открытые выступления. В Новочеркасске разыгрались кровавые события. Интеллигенцию шокировало преследование «формалистов», «абстракционистов» и другие действия властей. Крестьяне были раздражены посягательствами на личное подсобное хозяйство, падением доходов колхозов и совхозов. Чиновники боялись потерять места из-за постоянных организационных перетрясок. Партийные работники в штыки встретили новый Устав КПСС, который вводил строгий принцип ротации кадров, разделение парторганов по производственному принципу. Вся номенклатура роптала по поводу урезывания привилегий. Армия и флот были недовольны непродуманными сокращениями, уменьшением пенсий, скоропалительным расформированием многих частей истребительной авиации и отношением к надводному флоту, которые, якобы, утратили значение в связи с развитием ракетно-ядерного оружия и созданием подводных ракетоносцев. Обижен был и КГБ, который был низведен до уровня обычного министерства. Он был хорошо осведомлен и о планах лишения чекистов статуса военных, превращения в обычных штатских служащих.

Однако ни сам Никита Сергеевич, ни его ближайшие советники и сотрудники, по свидетельству одних мемуаристов, не ощущали надвигающейся грозы. Другие, наоборот, говорят о том, что в 1963–1964 г. Хрущев все чаще возвращался к вопросу о невыполненных обещаниях, чувствовал, что реформы заходят в тупик, все отчетливее понимал, что организационные метания ожидаемых результатов не приносят. Он просил сотрудников приносить ему лично наиболее ядовитые листовки, письма, иногда жаловался на усталость, поговаривал о необходимости уступить дорогу другим — молодым.

17 апреля 1964 г. Никите Сергеевичу исполнилось 70 лет. «Товарищи» по Президиуму постарались придать этому событию надлежащий по тем временам антураж. Юбилею вручили четвертую «Золотую Звезду». На этот раз... Героя Советского Союза. Поцелуям и поздравлениям, казалось, не было числа. Чего было здесь больше — хольского раболепия или изуверства — сказать трудно.

Между тем недовольство не только в народе, но и в верхах зрело. Биографы Хрущева спорят, кто был инициатором заговора.⁸ Одни называют Брежнева, другие Шелепина, третьи Сулова. Спорят и о термине «заговор». Известно, что в начале осени Хрущев получил информацию о сговоре «соратников» против него. О всей этой истории подробно рассказывает сын Хрущева С. Н. Хрущев. Однако остается фактом то, что практически сам Никита Сергеевич никаких конкретных мер для предотвращения своего падения не предпринял. Или просто недооценил значение поступившей информации, или слишком доверял своим выдвинутым Брежневу, Шелепину, Семичастному? А может быть, и чувствовал усталость и внутреннюю неспособность развязать узлы, которые все туже затягивались в стране. Кто-то верит в это, кто-то утверждает, что Хрущев был неистовым бойцом. Так что на многие естественные вопросы ни теперь, ни в будущем ответов ждать не приходится.

События же развивались следующим образом. В тот памятный 1964 г. Хрущев много работал. За первые девять месяцев 135 дней он провел в разного рода поездках, а в конце сентября улетел на отдых в Пицунду. Там же с ним отдыхал и А. И. Микоян. 12 октября на околоземную орбиту был выведен космический корабль с тремя космонавтами на борту. По заведенному порядку Хрущев лично переговорил с ними и после этого пошел погулять с Анастасом Ивановичем по пляжу. Прогулку прервал дежурный,

который доложил, что из Москвы звонит Л. И. Брежнев и просит подойти к аппарату «самого». Хрущев удивился, так как он отсутствовал всего неделю и неотложных дел вроде бы не было. Тем не менее Брежнев настойчиво просил его прибыть на следующий же день в столицу, чтобы решить некоторые вопросы, связанные... с сельским хозяйством.

«Эти вопросы могут и подождать», — отреагировал Хрущев. Но на другом конце провода, где вокруг струсившего Леонида Ильича собрались все заговорщики, продолжали настаивать. Тогда недовольный Хрущев ответил, что они с Микояном подумают.

Продолжив после разговора прогулку по пляжу, Хрущев, помолчав, вдруг сказал Микояну: «Знаешь, Анастас, нет никаких у них неотложных дел по сельскому хозяйству. Думаю, что этот звонок связан с тем, о чем говорил Сергей» (сын Н. С.).

Только в полночь стало известно, что Хрущев затребовал самолет к шести часам утра 13 октября. Вылет состоялся около десяти часов, и к полудню Хрущев уже был в Москве. Обычно в таких случаях его провожали или встречали на аэродроме все члены правительства. На этот раз для встречи прибыло лишь два человека — председатель КГБ и секретарь Президиума Верховного Совета, встречавший Микояна. Выйдя из самолета, Хрущев спросил: «А где остальные?». Ответ был столь же лаконичным: «В Кремле. Ждут вас». Теперь никаких сомнений, «зачем его ждут», уже не было.

Как только Хрущев и Микоян прибыли на место и Хрущев закрыл двери зала заседаний, охрана в приемной, квартире и на даче была заменена, связь замкнута на руководителей КГБ. Заседание Президиума началось.

Теперь мы можем документально восстановить его ход.⁹ Начал Брежнев, заявив, что тема заседания — выяснение отношений в руководстве партии. «Откровенный разговор» продолжался много часов. Упреки от вчерашних «соратников» сыпались как из рога изобилия. Больше всего говорили о необоснованном разделении обкомов, кукурузе и принятии ряда других ошибочных решений. Укоряли Первого секретаря и за нетерпимое положение, сложившееся в Президиуме, за оскорбления, игнорирование его членов, за непартийное поведение и др. Хрущев сначала пытался сходу отвечать на обвинения, соглашался с верностью некоторых аргументов, по другим возражал, признавался в случаях грубости и нетактичности, ошибках. И все же упор делал на преданности партии и своем понимании, что все его нынешние оппоненты «друзья и единомышленники». На это последовал грубый окрик: «У вас здесь друзей нет!». Это говорили те, кто вчера еще откровенно пресмыкался перед ним. Разнос продолжался. Вновь посыпались упреки в непомерном самомнении, саморекламе, непродуманных обещаниях догнать и перегнать США, повышении зарплат, провале этих и многих других затей и т. д., и т. п. Большинство требовало лишения Хрущева всех постов. Разговор продолжался до позднего вечера, но и этого времени оказалось недостаточно. Заседание перенесли на следующий день. И тогда обеспокоенный Брежнев позвонил председателю КГБ Семичастному: «Что делать? Неужели отпускать Никиту?». «Пусть отправляется, куда хочет, — ответил тот. — Он ничего уже сделать не может: все под контролем».

Хрущев поехал домой. А тем временем в Москву начали съезжаться члены Центрального комитета КПСС. Информации у них полной не было, и началось брожение: с кем и за кем идти?

Утром заседание Президиума продолжилось. Хрущев несколько успокоился, казался более уравновешенным. Тем не менее дискуссия продолжалась еще несколько часов.

КГБ между тем торопил, боясь потерять контроль над ситуацией, требовал быстрее кончать и провести Пленум ЦК в тот же день. В самом конце заседания вновь взял слово Хрущев. Он сказал, что бороться не собирается, да и не может. Отметил, что его главная ошибка в том, что проявил слабость, когда согласился на совмещение постов Первого секретаря и Председателя Совета министров. «Но ведь эти два поста дали мне вы!» — не преминул он уколоть своих судей. «Я понимаю, что меня, моей персоны уже нет, не прошу милости. Я сейчас переживаю и радуюсь, так как настал период, когда члены Президиума ЦК начали контролировать деятельность Первого секретаря и говорить полным голосом». Он отвергал обвинения в «культе». «Разве я „культ?“ — воскликнул он. — Вы меня кругом обмазали г..., а я говорю: „Правильно“. Разве это культ?! Я думал, что мне надо уходить. Но жизнь цепкая. Я сам вижу, что не справляюсь с делом... Жизнь мне больше не нужна. Прошу вас, напишите за меня заявление, и я его подпишу. Я готов все сделать во имя интересов партии...». От выступления на Пленуме Хрущев отказался. «Могу расплакаться, все запутаю...».¹⁰

Пленум ЦК КПСС открылся в 18 часов и смахивал на фарс. Доклад, как и по делу «антипартийной группы» Молотова, Кагановича и других, сделал Суслов. Он перечислил все ошибки и сообщил, что Хрущев подал заявление об отставке. Никакого анализа позитивных и негативных итогов хрущевского десятилетия в докладе не содержалось. Не было в нем и программы на будущее. Прений не открывали. Хрущева освободили от всех постов «по состоянию здоровья». Новым Первым секретарем единогласно избрали Брежнева. Некоторые из наиболее рьяных «сподвижников» Хрущева — членов ЦК пытались поднять гвалт. Раздавались выкрики: «Исключить его из партии! Отдать под суд!». Но обыденность происходящего утихомирила и их. На этом «вторая октябрьская революция», как стали говорить московские остроловы, завершилась.

Времена ее давно канули в Лету. Но и теперь иные мемуаристы продолжают спорить, стоило или нет изгонять Хрущева. При этом нередко сожалеют, что, вместо того чтобы поправить ошибки одной яркой личности, сделали ставку на другую — посредственную. И лишь некоторые самокритично восклицают: «Холопство! Холопы Хрущева, холопы Брежнева! Помалкивали, когда видели явные ошибки и того, и другого».

Что ж! Типичные нравы кремлевского двора. И не только позавчерашнего...

Но возвратимся к нашему герою... Тотчас замолчали многочисленные телефоны. У ворот на смену привычному «ЗИЛу» сначала пришла «Чайка». Но и она показалась «заклятым друзьям» ненужной роскошью. Ее место заняла обычная «Волга». Были резко ограничены контакты с внешним миром. Его имя не рекомендовалось упоминать в печати. Фиксировались посетители, телефонные звонки. Некоторые льготы ему оставили — московскую квартиру, дачу, паек, кремлевскую больницу и, разумеется, охрану. Пенсию назначили 400 «р».

Сам Хрущев после многих лет напряженной работы оказался как бы в вакууме, не знал, что делать и как жить дальше. Иногда впадал в какое-то оцепенение. Врачи пытались снять стрессовое состояние. Но лекарства не помогали. Иногда на его глаза навертывались слезы. Когда в одной из московских школ директор спросил из любопытства у внука: «Что делает Никита Сергеевич?». Тот по-детски непосредственно ответил: «Дедушка плачет». Так что на первых порах лечили в первую очередь теплота семьи и время.

Время тянулось нудно и медленно. А семья с ее повседневными заботами, вниманием была рядом. Впервые молодой Никита женился в далеком 1914 г. на дочери одного

из друзей — рабочих. В гражданскую войну жена умерла от тифа. В первые годы нэпа, еще учась в техникуме, встретил преподавателя политэкономии Н. П. Кухарчук, которая вела занятия и на рабфаке. Они поженились и прошли рука об руку всю жизнь. Нина Петровна, по отзывам и близких, и дальних, была женщиной уравновешенной, доброй, приветливой, не стеснялась критически высказываться о муже, его ошибках, промахах. И Хрущев уважал ее мнение, нередко советовался с ней. От первого брака у Хрущева был сын Леонид, который погиб в годы войны. От второго брака — сын Сергей и две дочери Рада и младшая Лена, которая тяжело болела и медленно угасала. С годами Никита Сергеевич становился сердечнее, внимательнее к близким, особенно к внучке и двум внукам.

Быт семьи во все времена отличался простотой и неприхотливостью. Рассказывают такой факт. В 1959 г. Хрущев, совершая первый визит в США, по совету коллег взял в вояж согласно мировым дипломатическим канонам и жену Нину Петровну. Пока он знакомился с Америкой, Нина Петровна скромно, не вмешиваясь в политику, тоже знакомилась со страной. Однажды американцы организовали для нее посещение известных домов моделей. Однако к нарядам она была всегда равнодушна. Да и муж не давал поводов для этого. Какая-то из мидовских дам тем не менее обратилась к Хрущеву с предложением, не купить ли Нине Петровне норковую шубу. Хрущев вспыхнул: «А на какие шиши? Я получаю командировочные, как все, — шестнадцать долларов в день. Нина Петровна приехала за мой счет». Хрущев вовсе не лукавил. Так было заведено.

Постепенно он освоился с новым положением пенсионера, стал чаще ездить в Москву, прогуливаться по улицам, бывать в театрах, собирать в лесу грибы. Нередко забредал в расположенные неподалеку санаторий, села, с охотой беседовал с окружающими, отвечал на острые вопросы и, как говорится, за словом «в карман не лез». Но по многим свидетельствам, никогда ни дурного, ни хорошего о своих преемниках не говорил. И это в какой-то мере понятно. Ведь все они принадлежали к его «команде», были его выдвинутыми. И все же, как видно, ему не хватало широты общения. Поэтому он с радостью и благодарностью отвечал на редкие телефонные звонки. Бывшие сподвижники, номенклатурщики ему, разумеется, не звонили. Звонили изредка интеллигенты, которых в последние годы он, находясь у власти, не часто жаловал.

Пристрастился к чтению. Читал в основном русскую классику, иногда современных писателей. По-прежнему увлекался поэзией Твардовского, но Пастернака понять так и не мог, хотя и сожалел об ожесточенной кампании против него, поднятой в конце 1950-х гг. По вечерам слушал передачи «Голоса Америки», «Би-би-си». По отзывам стал более терпимым, но в сторонника плюрализма не превратился. Неукротимый жизнелюб, экспериментатор он вдруг, как когда-то кукурузой, увлекся фотографией, потом огородничеством и даже гидропоникой, а затем посвятил все время мемуарам. Власти и партийные инстанции старались в зародыше пресечь эту затею. О публикации хрущевских воспоминаний в СССР не могло быть и речи. А когда они все-таки были изданы в США, то это вызвало страшное возмущение среди кремлевского руководства. Так Никита Сергеевич по иронии судьбы вошел в число первых «тамиздатчиков». Его вскоре пригласил на Старую площадь секретарь ЦК А. Кириленко, которого Хрущев в свое время взял в центральный аппарат, и начал грубо выговаривать за публикацию. «Вы еще слишком хорошо живете», — упрекнул он Хрущева. «Ну что ж, — ответил тот, — вы можете отобрать у меня дачу и пенсию. Я могу пойти по стране с протянутой рукой.

И ведь мне-то подадут. А вот тебе не подадут, если ты пойдешь когда-либо тоже с протянутой рукой».

Все эти тревобления, разумеется, не прибавляли здоровья. Еще летом 1970 г. произошел первый инфаркт. За ним последовали еще два. В больнице умирающий Никита Сергеевич попросил дочь принести... соленый огурец. И она успела выполнить эту просьбу. 11 сентября 1971 г. Хрущева не стало.

Слухи о его кончине распространились по Москве, но власти молчали. Лишь в день похорон «Правда» в траурной рамочке у нижнего обреза страницы напечатала небольшое сообщение, что на 78-м году жизни скончался бывший Первый секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета министров СССР, персональный пенсионер Никита Сергеевич Хрущев. Не нашлось места ни для некролога, ни извещения о дате и месте погребения.

Похороны состоялись на Новодевичьем кладбище. Место для могилы выделили на дальнем участке. Власти оцепили кладбище несколькими рядами солдат. На стене вывесили объявление: «Кладбище закрыто. Санитарный день». Даже мертвый Хрущев кому-то был неуютен. Из правителей не пришел никто. Ограничились венком. Шел дождь. Провожали лишь родственники, небольшой круг знакомых и старых большевиков. Люди в штатском поторапливали собравшихся: «Прощайтесь, не задерживайтесь».

Вскоре после похорон родные обратились к Э. Неизвестному с просьбой сделать надгробие. Тот спросил, почему они выбрали именно его, художника, с которым у усопшего были далеко не простые отношения. Ответ был кратким и многозначительным: «Это завещание отца».

* * *

В день 70-летия, после «горячих поздравлений», высоких наград Н. С. Хрущев выступил с краткой речью. «Смерть для некоторых политических деятелей, — рассуждал юбиляр, — иногда наступает раньше их физической смерти». Разумеется, он при этом никак не думал о своей персоне. А между тем к тому времени он уже растерял свой политический багаж и утратил былую популярность и авторитет. Наука пока не пришла к единому мнению, в верном ли направлении шли его поиски, реформы. Но то, что искали наполовину слепые, вероятно, не подлежит сомнению. И тем не менее Хрущев, несомненно, оставил значительный след в истории страны, развернув траекторию ее развития. Но одного разворота оказалось явно мало.

Он не был похож на полубога, не произносил проповедей, не изрекал афоризмов, жил на земле, а не на облаках, куда любили и любят забираться иные государственные деятели. «Как Санчо, грубоват и человечен, хоть недоверчив, как дитя беспечен...», — писал о нем в поздних стихах И. Эренбург. Хрущев умел смотреть на вещи без предубеждения. Ярый коммунист, он в то же время не стеснялся признавать, что автомашины, доильные аппараты, одежду и прочее в иных капиталистических странах делают лучше, чем в СССР. И Хрущев не стыдился использовать эти достижения. Пройдя войну, он не стал военным человеком. Занимаясь внешней политикой, не был похож и на дипломата. Говорил то, что думает, не умел скрывать свои мысли и многозначительно молчать. Во время визита в Британию у Никиты Сергеевича состоялся примечательный разговор с У. Черчиллем. Ушедший с политической арены один из крупнейших государственных деятелей XX в. тогда предостерегал его: «Господин Хрущев, вы затеиваете большие реформы. И это хорошо! — говорил он. — Я хотел бы посоветовать вам

не слишком торопиться. Нелегко преодолеть пропасть в два прыжка. Можно упасть в нее». К этому можно только прибавить, что тем более нельзя преодолеть пропасть, когда не ведаешь, куда и на какой берег собираешься прыгнуть.

Надгробие, с которого мы начали рассказ, концентрирует внимание на светлых и темных сторонах личности и деятельности Н. С. Хрущева. Но ему была присуща и еще одна сторона и соответствующий ей цвет — серый. К несчастью для страны и народа, он-то и стал преимущественно олицетворять следующую эпоху.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бурлацкий Ф. Вожди и советники. М., 1990. С. 85–105.

² Никита Сергеевич Хрущев: Материалы к биографии. М., 1989. С. 93–120.

³ Бурлацкий Ф. Никита Хрущев и его советники — красные, черные, белые. М., 2002. С. 82.

⁴ См.: Архивы Кремля: Президиум ЦК КПСС 1954–1964. Т. 1: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2003.

⁵ См.: Пыжиков А. В. Хрущевская «оттепель». М., 2002.

⁶ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза: Стенограф. отчет. М., 1962. Т. 2. С. 582.

⁷ Фурсенко А. А. Необычная судьба разведчика Г. Н. Большакова // Новая и новейшая история. 2005. № 4. С. 92–101.

⁸ Аджубей А. Те десять лет. М., 1989. С. 305–333.

⁹ См.: Президиум ЦК КПСС 1954–1964. Т. 1. С. 862–872.

¹⁰ Там же. С. 871–872; Семичастный В. Беспокойное сердце. М., 2002. С. 367–368.